

Глава 2.

Общие замечания о ранних монашеских одеждах

§ 1. У ранних отцов пустыни

Первые, кто удалился от мира, чтобы в добровольном одиночестве посвятить свою жизнь только Богу, поступили так, потому что они были призваны к этой новой жизни внутренним благодатным даром или внешними обстоятельствами. Единственная мысль двигала ими — оставить все, что напоминает о мирской жизни. Многие бежавшие от мира не брали с собой даже второй смены одежды, чтобы сменить ее при необходимости. Так, однажды египетский отшельник, священник Маркиан, вернулся из путешествия промокший до нитки. Он затворился в келии, снял одежду, чтобы просушить ее, сам же сел греться у огня. В этот момент прибыли посланники от местного епископа и пригласили Маркиана к нему. «Стыд показаться нагим, однако, удержал его внутри келии, ибо у него не было другой одежды, чтобы выйти к ним одетым»¹.

Один синайский монах аристократической внешности всегда приходил в церковь в коротком, залатанном мафории. Когда настоятель спросил его: «почему ты приходишь в такой убогой одежде?», он признался: «Авва, прости, но у меня нет другой!»².

Приведенные примеры хорошо иллюстрируют сообщения о том, что многие ранние отшельники имели лишь единственную одежду³. Основанием для такого отношения к одежде часто служили слова Евангелия. Так, например, в рассказе об авве Виссарионе⁴: «в согласии с евангельским преданием, он имел только одну тунику и, кроме нее, еще маленький наплечный плат. Помимо этих, самих необходимых вещей у него ничего не было».

Другие еще более буквально принимали требование Христа все продать, а вырученное раздать беднякам⁵. Отказываясь от прежней

---

¹ Vita S. Marciani Presbyteri 25 // AS Januar 1. 616.

² Aprophtegmata Patrum: De abbate Cronio // PG 65. Col. 249.

³ Так, например, Авраам Пустынный на протяжении 50 лет носил одну покаянную одежду (*Ephrem. Vitas Abrahae Eremitae* 3 // PL 73. Col. 284BC). Ср. также: *Lucius E. Das mönchische Leben des 4. und 5. Jahrhunderts in der Beleuchtung seiner Vertreter und Gönner: Festschrift für H. J. Holtzmann zum 17. Mai 1902. Tübingen; Leipzig, 1902. S. 132.* Одна отшельница в Моавитской пустыне после 17 лет жизни в отшельничестве говорила: «смотри, вот мягкая одежда, которую ты видишь, она пришла со мной из города!» (*Johannes Moschus. Pratum spirituale* 179 // PG 87.III. Col. 3049BC) [Здесь речь идет не об одежде, а о корзинке с размоченными бобами (βρεκτά). — Прим. ред.]. Антоний не менял одежду просто потому, что у него была только одна (*Athanasius. Vita s. Antonii Abbatis.* 60 // PL. 73. Col. 168A). Аммоний, первый монах Нитрии, имел только одну одежду, которую не снимал ни днем, ни ночью (*Rufinus. Historia Monachorum* 30 // PL 21. Col. 455D). Ср. также: *Nilus Sinaita. Oratio in Albanum* // PG 79. Col. 708B и др.

⁴ *Pallaclius. Historia Lausiaca* 116 // PL 73. Col. 1197.

⁵ Мф 19. 21.

жизни, от всего богатства, они снимали свои роскошные платья и отныне носили простую одежду. Еще Иероним в четвертом веке хвалил за это римских аристократов⁶.

Не должно удивлять и очевидное: если постоянно долгое время носить одну одежду, она постепенно превращается в ветошь. Поэтому вполне понятно, почему один отшельник в Содомской пустыне «был в рваных лохмотьях, сшитых пальмовыми ветками»⁷. Нищий монах просто не нашел ничего другого, чтобы соединить разорвавшиеся на куски одежду. Другой ранний отец, Иаков, недалеко от Кира, не имел хижины и жил в открытом поле без крыши над головой. «Часто по три дня и ночи он лежал в молитве распростертым на земле, на него падал снег, так что иногда не было видно даже лохмотьев, в которые он был замотан. Тогда соседи брали лопаты и мотыги, убирали снег с лежащего монаха и поднимали его на ноги»⁸. При таком образе жизни ничего кроме лохмотьев, в которые он кое-как был замотан, нельзя себе представить.

О Маисиме, иеромонахе в Кире, Феодорит рассказывает, что он «долгое время не менял основную и верхнюю одежды, латал появляющиеся дырки и таким образом поддерживал ее»⁹. О другом аскете, Зиноне, богатом человеке из Понта, сообщается: он заточил себя в пещере, «которых много на горе около Антиохии. У него не было ни кровати, ни светильника, ни очага, ни кухонной посуды, ни бутылок, ни сундука, ни книги, — вообще ничего. Он укутывался в старые лохмотья, на его сандалиях не было ремней, кожа на подошвах совсем оторвалась»¹⁰. Последнее — точное описание того, насколько изнашивалась одежда аскета.

Живя годами в пустыне или в другом месте, уединенно, иногда под открытым небом, в любую непогоду, обдуваемые всеми ветрами, такие подвижники, в конце концов, теряли и последний лоскут одежды. Так, одна женщина, которую авва Зосима нашел в пустыне, призналась ему: «одежда, в которой я 17 лет назад оставила мир и перешла через Иордан, спустя много времени полностью износилась, ее вообще больше нет»¹¹. Макарий Египетский увидел на берегу пруда стаю диких зверей, хотевших утолить жажду. Среди них он заметил двух людей, которые,

---

⁶ Типичным могло быть то, что Иероним сообщает о деве Деметрии (Epistola 130, 5 // CSEL 56. 180, 12–17): „Omnem corporis cultum et habitum saecularem, quasi propositi sui impedimenta, projecit. Pretiosa monilia, et graves censibus uniones, ardentisque gemmae redduntur scriniis: vili tunica Induitur ...”

⁷ *Theodoret*. Historia Religiosa. 6 // PG. 82. Col. 1361C.

⁸ *Theodoret*. Historia Religiosa 21 // PG 82. Col. 1440A.

⁹ *Theodoret*. Historia Religiosa 14 // PG 82. Col. 1412C. [Речь идет о хитоне и козьей шкуре (μήτε τὸν χιτῶνα μήτε τὴν σισύραν), двух характерных одеяний монахов. — Прим. ред.].

¹⁰ *Theodoret*. Historia Religiosa 12 // PG 82. Col. 1398 BC.

¹¹ *Sophronius*. Vita s. Mariae Aegyptiacae Meretricis 19 // PL 73. Col. 684D.

как и звери, не имели никакой одежды. Сначала он подумал, что видит бесов. Однако отшельники, один ливиец, другой египтянин, рассказали ему, что они оставили мир 40 лет назад. Их одежда с тех пор совсем изнасилась, тогда Бог даровал им благодать не испытывать ни жары, ни холода¹². Такова же, похоже, была судьба и другого старца, которого один монах искал в пустыне 3 дня, чтобы отдать ему одежду¹³.

У некоторых последнее платье забирали воры. Они, например, пришли к авве Феодосию, «сняли с него куссулий и унесли его»¹⁴. При нападении на монастырь на Синае «грабители-сарацины сняли с монахов кентоний, льняную одежду и отправили их на казнь нагими»¹⁵.

Когда, в итоге, вся одежда в результате длительного ношения или из-за кражи исчезала, аскеты, если они не хотели или не могли покрыть себя чем-то другим, доживали остаток жизни без одежды. Именно этим отчасти объясняется упоминание отсутствия одежды у многих ранних отцов. Заметно, что многие ранние авторы-монахи иногда очень неохотно говорят о полной наготе своих героев. В большинстве случаев они пишут о естественной одежде — из волос, растущих на теле. Так, Ефрем Сирийский в одном месте с большим благоговением говорит о некоторых отцах в Месопотамии: «собственные густые, длинные волосы составляли их единственную одежду»¹⁶.

---

¹² *Verba Seniorum = Vitae Patrum* 6. 3. 4 // PL 73. Col. 1006D–1007A.

¹³ *Verba Seniorum = Vitae Patrum* 6. 3. 4 // PL 73. Col. 1008B.

¹⁴ *Johannes Moschus. Pratum spirituale* 68 // PG 87 III. Col. 2917–2918.

¹⁵ *Nilus Sinaita. Narratio* 4 // PG 79. Col. 628 A.

¹⁶ *Ephrem. Sermo in Patres defunctos* // *Opera Graeca* 1. 177. Ср.: *Besse J. M. Les Moines d'Orient anterieure au Concile de Chalcedoine (451)*. Paris, 1900. P. 247. *Sulpicius Severus. Dialoqus* 1. 17 // CSEL 1. 169, 19 – 170, 5) рассказывает об одном отшельнике у подножия Синая следующее: «я видел Красное море и гору Синай, вершина которой почти касается неба и почти недостижима. В самых ее отдаленных местах, как говорят, есть отшельник, я очень долго и с большим упорством его искал, но не мог найти. Почти 50 лет в отдалении от всякого человеческого общества, он уже и не знал ничего об одежде, но прикрывал (по особой благодати свыше) свою наготу собственными волосами, растущими на теле. Всякий раз, когда его хотели посетить монахи, он спешно искал места еще более непроходимые, и избегал любой встречи с человеком». Поэтому среди людей возник слух, что он общается с ангелами.

В *Vitae Patrum* и в *Verba Seniorum* также приводятся примеры, согласно которым отцы-пустынники иногда довольствовались волосным покровом на собственном теле. Так, один старец, идя по пустыне, встретил епископа-отшельника, который на протяжении 40 лет жизни в одиночестве и покаянии искупал то, что во время гонений принес жертву языческим богам. «Его одежда была из волос, растущих на голове. Ему было много лет и волосы стали совершенно белыми.» (*Verba Seniorum = Vitae Patrum* 6. 3. 12 // PL 73. Col. 1011A). «Я увидел приближающееся стадо буйволов», рассказывает другой старец, «и с ними один раб Божий. Он был нагим. Срамное место он закрывал собственными волосами». «Мои волосы росли долгие годы после того, как я начал жизнь отшельника», — рассказал он изумленному старцу, — «и когда разорвалась одежда, я покрыл ими те места, на которых подобает скрывать срам» (*Verba Seniorum =*

Иногда они были настолько длинными и густыми, что подобно настоящей одежде закрывали всего человека. Так, в Розосе Киликийском жил известный Феодосий Антиохийский. «Он так зарос, что волосы достигали его ступней и были даже длиннее. Поэтому он подвязывал их поясом на животе»¹⁷. Точно так же дело было и с его учеником, «Ромулом, вождем очень большого стада»¹⁸. Для таких аскетов собственные волосы становились естественным одеянием.

Вокруг этих аскетов часто, с большим благоговением собирались другие монахи и простые люди. Выживание (годами и даже десятилетиями) в подобной аскезе, несмотря на все невзгоды и непогоду, воспринималось как чудо. Этим широко прославился отшельник авва Георгий: он 35 лет нагим бродил по пустыне¹⁹. Сульпиций Север сообщает еще об одном отшельнике на Синае: он 50 лет не покрывал себя никакой одеждой²⁰. Иоанну Мосху известен отшельник у Мёртвого моря, занимавшийся такой аскезой даже 70 лет²¹.

Так, вершиной совершенства было, если кто-то полностью отвергал мир и начинал монашескую жизнь вообще без одежды. Например, один юноша, чтобы совершенно освободиться от бесовских искушений, выбросил все одежды и пришел в таком виде в монастырь. Старик настоятель с тех пор приводил его поступок всем приходящим в качестве примера и говорил: «такого совершенства я еще не достиг!»²². Очевидно здесь имеется в виду не странная внешность, а внутреннее отстранение даже от забот даже о самых необходимых жизненных потребностях²³.

Обычно эти аскеты держались по возможности в стороне от человеческого общества, либо из-за известного чувства стыда, которое испытывали другие по отношению к ним, либо из-за страха, что люди помешают им посвятить свою жизнь только Богу. Поэтому отшельники

Vitae Patrum. 6. 3. 11. // PL 73. Col. 1010A). Похожие рассказы есть и о других отцах пустыни (ср.: Besse J. M. Les Moines d'Orient anterieure au Concile de Chalcedoine (451). Paris, 1900. P. 247–248).

¹⁷ *Theodoret*. *Historia Religiosa* 10 // PG 82. Col. 1389 A.

¹⁸ *Theodoret*. *Historia Religiosa* 10 // PG 82. Col. 1394 A, C.

¹⁹ *Johannes Moschus*. *Pratum spirituale* 91 // PG 87 III. 2948C.

²⁰ *Sulpicius Severus*. *Dialogus* 1. 17 // CSEL 1. 169. 23–25.

²¹ *Johannes Moschus*. *Pratum spirituale* 159 // PG 87. III. Col. 3028 A.

²² *Verba Seniorum* = *Vitae Patrum* 7. 2, 1 // PL 73. Col. 1029A; *Vitae Patrum* 3. 67 // PL 73. 772B.

²³ Можно ли и в какой степени здесь говорить о древнем языческом культовом представлении и *nuditas sacra*, на возможность которого мне любезно указал аббат J. Herwegen, исследовано в моей книге о религиозном значении монашеской одежды. Ср.: *Oppenheim Ph.* *Symbolik und religiöse Wertung des Mönchskleides im christlichen Altertum, vornehmlich nach Zeugnissen christlicher Schriftsteller der. Ostkirche.* Münster i. W., 1932. S. 1ff.

избегали встреч с людьми и спешили уйти в непроходимые места, как только узнавали, что кто-то хочет их посетить²⁴.

Другие, если должны были оставаться среди людей, старались не привлекать к себе много внимания. Так, один иеромонах в Райту увидел, что во время Святого Жертвоприношения (Евхаристии) в Великий Четверг, когда все отшельники обычно принимали участие в богослужении, «в церковь вошли два анахорета. Они были нагими. Но этого не заметил никто более из отцов», затем он добавляет: «то, что они были нагими, — никто кроме меня одного. Причастившись Тела и Крови Господа, они вышли из церкви (опять же незамеченными)»²⁵.

Такое поведение было, однако, исключением. Если отшельники вынуждены были находиться среди людей, они, прежде всего, приобретали одежду. Поэтому, когда один аскет на Иордане хотел уйти на заработки, чтобы потом купить себе книгу Евангелия, он попросил старца: «Дай мне мешок, я его надену!» Ибо — добавляет Иоанн Мосх, — «он был нагим»²⁶. Получив мешок, он отправился работать в Иерусалим.

Нагие отшельники в пустыне встречались, судя по всему, только в южных областях Востока, где жаркий климат позволял так жить — обычно замкнуто, в одиночестве²⁷. Но значительное большинство отшельников, даже в своей замкнутости, придерживалось принятых норм приличия. В целом, для раннего монашества нагота остается чуждой. Многочисленные предписания и предостережения, которыми ранние отцы-пустынники, и особенно основатели монастырских общин, стремились оградить их сад святой чистоты, охватывали даже мельчайшие аспекты жизни общества и жизни полов, что показывают полноту любви и заботы их авторов²⁸.

---

²⁴ Женщина, которую авва Зосима встретил без одежды в пустыне, бежала от него, и он только с трудом смог ее догнать (*Sophronius. Vita S. Mariae Aegyptiacae Meretricis* 8 // PL 73. Col. 677 В, С). Похожее рассказывается об одном старце, который бежал от более молодого отшельника (*Verba Seniorum = Vitae Patrum* 6. 3. 10 // PL 73. 1008); ср. также сообщение Сульпиция: Примеч. 20.

²⁵ *Johannes Moschus. Pratum spirituale* 122 // PG 87. III. Col. 2983–2984.

²⁶ *Johannes Moschus. Pratum spirituale* 134 // PG 87. III. Col. 2997С.

²⁷ Ср., однако, приведенное выше (примечание 18) сообщение о Ромуле, «вожаке большой толпы».

²⁸ *Antonius. Regulae et Praecepta ad filios suos Monachos* 3 // PL 103. Col. 425 А) „neque cubes super eadem storea cum minore te”. — *Regulae et Praecepta.* 7 // PL 103. Col. 425А: „nec appropriare sinais ad te mulierem, nec permittas ingredi domicilium tuum...”. — *Regulae et Praecepta.* 48 // PL 103. Col. 428В: „si cubaveris in aliquo loco, ne tegas te uno eodemque stragulo simul cum alio”. — Ср. это и другое соответствующее предписание в издании А. *Ecchellensis* // PG 40. Col. 1065–1074. — *Isaias. Praecepta seu consilia posita tironibus in monachatu* 1 // PL 103. Col. 429А: „Cave ne comedas cum mulfore, aut fraternitatem ineas cum puero, aut dormias cum adolescente super eadem storea. Cum exuis vestem tuam, ne upicias corpus tuum”. — *Praecepta seu consilia posita.* 18 // PL 103. Col. 430 А: „ne cubes

И хотя кратко описанный здесь аскетизм в одежде встречается также у индусов, предположение о заимствовании этого обычая ранними анахоретами все же вряд ли доказуемо. О. Цёклер²⁹ и Й. М. Бесс³⁰ решительно его отвергли; однако параллели из тогдашнего культурного и мировоззренческого окружения учитывать при нашем анализе все же необходимо³¹.

Были такие отшельники, которые предпочитали мастерить себе одежды из пальмовых листьев, переплетая их или соединяя как-то иначе, и так защищаться от ветров и непогоды. Обычно они также жили в дикой местности. Когда первый отшельник, Павел Фивейский, бежал во время Дециевых гонений в пустыню, «пальмовые деревья давали ему и пищу, и одежду»³². Из пальмовых листьев он, подобно корзине, сплел себе тунику, которую от него позже унаследовал Антоний³³. Похожие сообщения есть и о других отшельниках³⁴.

Когда Пафнутий, биограф египетского пустынноика Онуфрия, посетил его, тот вышел к нему навстречу, имея на бедрах лишь повязку из листьев, а все его тело покрывала волосяная порось³⁵. Были и группы монахов, которые носили целые туники из листьев. Так, о братстве из 7 мужчин, живших в пустыне недалеко от сарацин, сообщается, что

---

cum alio sub eodem stragulo. Ora multum ante cubitum, quamvis defatigatus sis ab itinere". — Praecepta seu consilia posita 19 / PL 103. Col. 430A: „ne permittas ut quisquam ungat oleo corpus tuum...". — Regula III Patrum ad monachos 4 // PL 103. Col. 445AB. — Regula Orientalis 10 // PL 103. Col. 478B; 484A: „nemo alteri loquatur in tenebris; nullus in psiatho cum altero dormiat; manum alterius nemo teneat; sed sive steterit, sive ambulaverit, sive sederit, uno cubito distet ab altero". — Похожие предписания также в: *Pachomius. Regulae Monasticae* 55–57 // Albers 34–35; *Benedictus. Regula Monachorum* 22 и др.; *Verba Seniorum = Vitae Patrum V.* 5 // PL 73. Col. 873/888. — ср. также: *Schiwietz St. Das morgenländische Mönchtum* 1. Mainz, 1904. S. 230, 241–254, 267–268. — *Idem.* II (Mainz, 1913) S. 62–64 и др.

²⁹ Zöckler O. Askese und Mönchtum: Zweite gänzlich neu bearbeitete und stark vermehrte Auflage der «Kritischen Geschichte der Askese» 1. Frankfurt a. M., 1897. S. 243.

³⁰ Besse J. M. Les Moines d'Orient antérieurs au Concile de Chalcedoine (451). Paris, 1900. P. 247.

³¹ Ср. особенно: *Heckenbach J. De nuditate sacra sacrisque vinculis.* Gießen, 1911.

³² Vita Pauli 1. Eremitae 2 (Ex Graeco ms. Bavarico) // AS Januar 1 603. — Ср.: *Hieronymus. Vita Pauli 1 Eremitae* 6 // PL 23. Col. 21B.

³³ Vita Pauli 1. Eremitae.13 // AS Januar 1 606: „...quippe qui tanto temporis spatio contextis palmarum foliis vestiebatur...". — Ср.: *Hieronymus. Vita Pauli 1. Eremitae.* 12 // PL 23. Col. 26B; Vita Pauli 1. Eremitae. 16 // PL 23. Col. 28 A): „...tunicam, quam in sportarum modum de palmae foliis ipse sibi contexerat".

³⁴ Например, недалеко от Красного моря около Райту приблизительно с 306 года отшельником жил авва Моисей, который носил одежду из пальмовых листьев (ср.: *Schiwietz St. Das morgenländische Mönchtum* II. Mainz, 1913. S. 29).

³⁵ *Paphnutius Abbas. Vita S. Onuphrii. Eremitae* 2 // PL 73. Col. 211–212: „...virum procul aspectu terribilem vidi, in modum bestiae pilis undique circumseptum; cui tanta scilicet capillorum prolixitas erat, ut corpus illius ipsorum diffusionem tegetur. Pro vestimento quoque foliis herbisque utebatur, quibus subteriora renum tantummodo cingebat".

«только пальма давала им одежду»³⁶. В известном монашеском романе о Варлааме и Иосафате (излюбленном чтении во всех монастырях начиная с седьмого века), в котором описываются монашеские обычаи IV века¹, Варлаам сообщает, что многие индийские монахи носили одежду из пальмовых листьев³⁷. Конечно остается вопрос, насколько этот рассказ исторически достоверен. Между тем интересно, что отраженные в нем культурные реалии в большинстве случаев соответствуют тем, в которых жили египетские и малоазиатские монахи.

Можно предположить, что указанные одежды из пальмовых листьев обычно состояли всего лишь небольшой набедренной повязки, однако, смастерить из этого материала целую тунику, как показывает рассказ об Антонии, было вполне возможно.

При изготовлении такой одежды особенно охотно использовали листья финиковой пальмы или, при их недостатке, также листья пальмы Гифена. В работу шли также листья растущих на Крите и на Сицилии карликовых пальм (хамеропсов). Процесс был следующим: срезанные листья обычно сушили в течение 4 дней под сосудами, после этого их разбрасывали на солнце и оставляли на ночь, чтобы они высохли и поблекли. Для дальнейшей обработки их делили на части и использовали для вязанья, плетения сетей, корзин, ковриков, а также для постройки хижин и даже шитья одежды³⁸.

И все же одежду из пальмовых ветвей изобрели не христианские монахи. Уже Иосиф Флавий³⁹ знает человека «по имени Банн. Он жил в пустыне. Одежду носил из деревьев (то есть, конечно, из листьев)». Возможно, такой обычай был у каких-то племен или у бедняков в жарких странах, или у других, нехристианских аскетов.

Среди христианских монахов были такие, кто вместо одежды носил шкуры животных. Один отец-пустынный, например, видел «в области Кирены старца в одежде из шкур»⁴⁰.

Авва Ориентий пришел однажды в воскресенье в церковь и к общему удивлению надел свою набедренную повязку, сшитую из шкуры, шерстью наружу⁴¹. Даниил Столпник встретил «седого монаха»,

---

³⁶ Vitae Patrum III. 200 // PL 73. Col. 804 D.

³⁷ *Johannes Monachus*. Vita SS: Barlaam Eremitae et Josaphat Indiae Regis (Легенда о Варлааме и Иосафате, приписанная св. Иоанну Дамаскину), перевод с греческого Л. Бурхард (München, 1924), С. 116. (Ср.: PG 96.)

³⁸ Ср. *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern 1. Leipzig; Berlin, 1912². S. 302–303.

³⁹ *Josephus*. Vita 2. 11.

⁴⁰ Vitae Patrum IV // PL 73. Col. 815C.

⁴¹ Ср: *Lietzmann H.* Byzantinische Legenden. Jena, 1911. S. 98.

совершавшего паломничество из Месопотамии в Святую Землю, и он был «полностью одет в звериную шкуру»⁴².

Непонятно, была ли в описанных случаях шкура выдублена, обработана или ее использовали сырой, без обработки. Чаще в качестве верхней одежды носили недубленую шкуру, как накидку. Как ее снимали с животного, в таком виде и носили. Часто в глухих местах не было необходимых инструментов или отсутствовала возможность пользоваться нужными для обработки шкур приспособлениями. Это видно в следующем сообщении. Один монах в Нитрийской пустыне вернул зрение щенкам львицы. В знак благодарности она принесла ему шкуру необычного животного. Святой носил ее обычно как накидку⁴³. Его собратья-пустынники, видевшие его в ней, могли, конечно, выдумать эту легенду. Или: египтянин Иона «однажды соединил три овчины и в дальнейшем довольствовался только этой одеждой»⁴⁴.

То, что этот тип одежды иногда встречался и на Западе, видно из сообщения Григория Великого. О днях, которые еще юный св. Бенедикт провел в пещере Субиако (Италия), этот папский агиограф пишет: «в то время некие пастухи обнаружили человека Божия, скрывшегося в своей пещере. И увидев его в кустарнике, замотанного в звериные шкуры, они подумали, что это дикий зверь»⁴⁵. Можно предположить, что шкура была необработанной и сохранила первоначальную форму.

В ранней монашеской литературе упоминается также одежда из тростника. Его обычно использовали из-за недостатка других материалов и в согласии с местными обычаями. Так, однажды к авве Аммону из пустыни явился аскет, замотанный в плетенку, который, судя по всему, хотел таким образом показать особенную строгость своей жизни. Но авва сказал ему: «Бесполезно!» Ибо гораздо больше — носить слово мытаря в сердце, чем жить в пустыне в плохой одежде⁴⁶.

Однажды ночью начальнику строителей во время работ по возведению церкви в Фазелее явился монах, останки которого были похоронены возле двери новой церкви. «Он имел на плечах небольшую накидку из тростника» и хотел быть похороненным в этой церкви⁴⁷. Авва Зосима встретил в Аммонияке старца, который носил одежду, полностью сделанную из тростника⁴⁸.

---

⁴² Vita S. Danielis Stylitae. 10. [Не представляется возможным сказать, из какого издания и с какого языка взята вышеприведенная цитата. — Прим. ред.].

⁴³ Sulpicius Severus. Dialogus 1. 15 // CSEL 1. 168, 17–21.

⁴⁴ Vita Jonae Monachi 4 // AS Februar II. 520 F.

⁴⁵ Gregor der Große. Dialogorum liber II: De vita et miraculis s. Benedicti t (S. Gregorii Papae... opera omnia, tomus II. 212. Parisiis, 1705).

⁴⁶ Verba Seniorum = Vitae Patrum V. 10. 16 // PL 73. Col. 915 A) „vestiebatur matta“.

⁴⁷ Lietzmann H. Byzantinische Legenden. Jena, 1911. S. 94.

⁴⁸ Johannes Moschus. Pratum spirituale 123 // PG 87. III. Col. 2985A

Остается неясным, плели ли эти одежды из тростника или отдельные стебли просто клали рядом и связывали друг с другом веревкой. Вполне можно предположить именно плетение. Насколько высоким было это мастерство, показывает, например, то, что корзины и другие ёмкости не пропускали даже воду и прочие жидкости⁴⁹.

Камыш и тростник для древневосточных монахов в изобилии давала природа, и растения были самым простым средством для плетения любых вещей, в том числе ковриков. Обычно для этого растения не рвали руками, а, чтобы не порезаться, надевали перчатки и использовали специальный инструмент из дерева или кости. Траву рвали не сразу, но наматывали на инструмент и, надежно ухватив, вытягивали. После этого собранное связывали в снопы и оставляли на несколько дней сохнуть на солнце, затем высушивали на огне, а в конце обрызгивали водой, обычно морской. После этого траву вновь сушили. Для ускорения обработки ее обливали горячей водой. Перед работой уже подготовленную траву отбивали молотками или палками или работали с неотбитой⁵⁰.

Таким же или похожим образом ранние монахи использовали материалы, которые они находили на том, месте, где вели созерцательную жизнь. При этом сравнительно большее мастерство некоторых монахов могло играть в изготовлении одежды и в создании ее формы значительную роль.

§ 2. Грязная одежда

Среди ранних монахов были такие, кто считал наличие у них очень грязной одежды признаком истинно благочестивого человека. Так, выглядел Симеон Столпник (Старший) (390-459), живший в небольшой пещере в Сирии и полностью посвятивший свою жизнь Богу. Однажды несколько заблудившихся иудеев обнаружили Симеона в его отшельничестве — «одичавшего и грязного человека»⁵¹.

Таким же диким выглядел один отшельник в Содомской пустыне, несколько лет живший в заранее вырытой могиле, в ожидании смерти. Он зарос волосами, растрепанными и грязными, лицо покрылось морщинами, все члены тела истошились. Замотан он был лишь в захудалую шкуру»⁵², — в одежду, соответствующую внешности.

У женщин-аскетов также встречаются подобные взгляды на религиозное значение неряшливого вида. Одна подвижница с гордостью говорила: «мне 60 лет, но вода еще не касалась ни моих ног, ни лица,

---

⁴⁹ Ср.: *Blümner H.* Das Kunstgewerbe im Altertum. 1. Abt. Leipzig, 1885.

⁵⁰ Ср.: *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern 12. Leipzig; Berlin, 1912.

⁵¹ *Theodoret.* Historia Religiosa 6 // PG 82. Col. 1357D.

⁵² *Theodoret.* Historia Religiosa 6 // PG 82. Col. 1361C.

никакой другой части тела, даже когда меня постигают разные болезни. Только ладонями я (соприкасалась с водой), и то — только для причастия»⁵³. Ибо, по раннехристианскому обычаю, она получала Святой Хлеб в руки, и уже потом в церкви или дома потребляла Святую Трапезу. Из благоговения перед ней она и мыла пальцы.

Евфразия, дочь чиновника-аристократа при дворе императора Феодосия, ушла в монастырь. Там «никто из насельниц не мыл ног, а когда они слышали разговор о бане, смеялись, считая, что речь идет о чем-то срамном, совершенно постыдном, и отказывались верить тому, что слышат их уши»⁵⁴.

Одежда была главным в грязной внешности. Поэтому «когда Павла», настоятельница женского монастыря в Вифлееме, видела, что «кто-то из сестер выглядит слишком чистой и изнеженной, она морщила лоб и с мрачным видом начинала бранить провинившуюся, подчеркивая: чистота тела и одежды говорят о нечистоте души!»⁵⁵. Вполне можно себе представить, что в этом монастыре иногда было не очень чисто. Иероним, например, обосновывал свое предписание вифлеемским монахиням о необходимости стричь волосы, в том числе, и указанием на паразитов, которые в них заводятся⁵⁶.

Но, похоже, что именно Иероним подчеркивает важность ношения монахами нечистой одежды. Ни от кого из раннемонашеских авторов до нас более не дошло столь подробных ее описаний и требований, касающихся ее.

Об Иларионе, отце палестинского монашества, он пишет: «раз в год он стрижет волосы, — только на Пасху... Верхнюю одежду, которая во время ночного покоя служила ему и одеялом, он никогда не стирал». Он считал, что покаянная одежда не должна оставаться чистой. Поэтому та, «которую он раз одел, уже никогда не стиралась», но носилась, пока полностью не порвется⁵⁷.

---

⁵³ *Palladius*. *Historia Lausiaca* 55 и др.; *Ibid.* 143 // PL 73. Col. 1210B.

⁵⁴ *Vita S. Euphrasiae Virginis* 6 // PL 73. Col. 626-627. Чтобы правильно понять это сообщение, нужно учитывать традиции поведения в античных банях. Св. Бенедикт, когда он подчеркивает в *Regula Monachorum* 36, что в отличие от больных монахов, здоровым и к тому же молодым посещение бань нельзя разрешать всякий раз, он говорит не о грязи на его учениках, но скорее предостерегает их от опасностей (публичных) бань, с которыми он смог познакомиться в римских роскошных банях.

Ср. также: *Lucius E. Das mönchische Leben des 4. und 5. Jahrhunderts in der Beleuchtung seiner Vertreter und Gönner*. Tübingen; Leipzig, 1902. S. 133.

⁵⁵ *Hieronymus*. *Epistola* 18, 20 // CSEL 55, 336, 7-9.

⁵⁶ *Hieronymus*. *Epistola* 147. 5 // CSEL 56. 321, 8-10: «vel quia lavacra non adeunt vel quia oleum nec capite nec ore norunt, ne parvis animalibus, quae inter incultum crinem gigni solent, et concretis sordibus obruantur».

⁵⁷ *Hieronymus*. *Vita s. Hilarionis Eremitae* 10 // PL 23. 32 BC. Ср. также: *Schiwietz St. Das morgenländische Mönchtum*. Mainz, 1913. Bd. 2. S. 110.

Иероним в письме монаху Рустику, говоря об истинной вере, пишет: «грязная одежда должна быть признаком чистого сердца!»⁵⁸. Он же решительно выступает против Иовиниана, оставившего строгую монашескую жизнь: «и он еще хвалится тем, что монах! Это после того, как имел грязную (*sordidum*) одежду, ходил босиком, вкушал простой хлеб и воду, ныне он (обратился) к красивым одеждам, косметике, к изысканным винам и искусно приготовленным мясным блюдам... Очевидно, что он предпочитает землю небу, порок — добродетели, рыбу — улову»⁵⁹ Христову»⁶⁰.

Того же самого Иовиана Иероним упрекает в другом месте: «Ранее ты ходил босым, теперь носишь обувь и к тому же очень ухоженную. Когда-то ты носил шерстяную тунику и черную рубаху. Ты был грязен, бледен, мог показать мозолистую от работы руку. А теперь — одет в лен и шелка, в роскошные одежды из Атрэбат и из Лаодикии. Твои щеки стали розовыми, кожа блестит, волосы завиты на затылке и на лбу»⁶¹.

Находящихся под его попечением монахинь Иероним особенно увещевает к небрежению об одежде и к отказу от того, чтобы поддерживать ее в чистоте. В утешительном письме Паммахию он пишет: «ты можешь позволить превзойти себя Евстохии и Пауле, пусть даже не в делах, но точно уже по полу... Ибо (когда-то) они не выносили уличной грязи, их на руках носили евнухи, с большим трудом преодолевали неровности улицы. Шелковые одеяния были им в тягость, а солнечный жар — пожаром. Ныне же они грязны (*sordidatae*) и в траурном облачении, но в сравнение с ними прежними — мужественные: они ставят светильники по всем правилам, зажигают очаг, выметают гумно, моют овощи...»⁶².

Еще более ясно увещевание к небрежению в одежде и к отказу от соблюдения ее чистоты в письме к вдове Сальвине. Иероним пишет: «отныне ты похоронила в могиле мужа все свои желания. Свое лицо, украшенное пурпуром и косметикой, ты омыла слезами у его одра. Ты надела темную тунику и черную обувь, сняв белую одежду и изысканные туфли, украшенные золотом. Тебе ничего более не остается, как устоять в

---

⁵⁸ *Hieronymus*. Epistola 125. 7 // CSEL 56. 124, 12-14. Ср. также: *Hieronymus*. Epistola 22, 27 // CSEL 54. 184, 9-14 и: *Hieronymus*. Epistola 45, 3 // CSEL 54, 325, 12-13.

⁵⁹ *Dölger F. J.* IXΘΥΣ. Bd. 2: Der heilige Fisch in den antiken Religionen und im Christentum. Münster, 1922. S. 452: здесь автор вопреки В. Халлу дает правильный вариант чтения, которые обосновывает в примечании.

⁶⁰ *Hieronymus*. Adversus Jovinianum 1. 40 // *Haller W.* Jovinianus: Die Fragmente seiner Schriften, die Quellen zu seiner Geschichte, sein Leben und seine Lehre. Leipzig, 1897. 2. Heft. 36-37.

⁶¹ *Hieronymus*. Adversus Jovinianum II. 21.

⁶² *Hieronymus*. Epistola 66. 13 // CSEL 54. 663, 16-664, 15.

посте. Отныне твои драгоценные камни — это грязь и поблекшие цвета!»⁶³.

Рассматривая эти и подобные места у Иеронима, нужно, конечно, быть осторожным. Употребление слова *sordidus* еще не везде стало однозначным. Безусловно, иногда оно имеет значение «грязный», но в других местах может значить «в траурной одежде», «достойный презрения», «подлый», «жалкий», «позорный», «постыдный». Остается неясным, использует ли Иероним *sordidus* всегда в нашем смысле слова «грязный».

Кроме Иеронима были и другие аскеты, которые считали, что неряшливая внешность — неотъемлемая сторона жизни истинного монаха. Например, Антоний, родоначальник египетского монашества, не менял «одежду и не мыл ног»⁶⁴. Подобное также сообщается об Аммоне, основателе нитрийского монашества⁶⁵, об Альбиане Синаите⁶⁶ и о некоторых других.

Мавсима долгое время не менял одежду и накидку из шкуры. Когда Летоий, член антиохийского городского совета, начал над ним насмехаться, его постигло телесное страдание; он упал перед Мавсимой наземь, «обхватил его грязные лохмотья и умолял не гневаться». Как только он это сделал, страдание прекратилось⁶⁷.

Долгое время Восток и Запад шли рука об руку в их представлении о том, какой должна быть одежда монахов.

Тилло, галльский монах VII века, «всегда спал на голом полу. Одежда, которую он однажды надел, более никогда не стиралась. Он часто говорил, что не нужно стремиться к чистоте в покаянной одежде и сам не надевал вторую тунуку, пока первая полностью не порвется»⁶⁸.

О жизни св. Рогерия, приблизительно его современника, сообщается⁶⁹: «Не только в пище, но и в одежде он оставался бедным и никогда не менял ни кукуля, ни тунуки, пока они еще как-то прикрывали его тело. Когда вещи рвались или как-то иначе повреждались, отдавал их в починку». Настолько не важным для него было внешнее.

Тех, кто придерживался такой аскезы, первоначально было, действительно, очень мало. Но слава о них все более распространялась, и обычай знаменитых отцов раннего времени уже скоро воспринимался их

---

⁶³ *Hieronymus*. Epistola 79. 7 // CSEL 55. 96, 11–17.

⁶⁴ *Athanasius*. Vita S. Antonii Abbatis 60 // PL 73. Col. 168 A. [В греч. оригинале речь об этом не идет, только в лат. переводе. — Прим. ред.]. Ср. также: *Voelter D.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen; Leipzig, 1900. S. 9.

⁶⁵ *Rufinus*. Historia Monachorum 30 // PL 21. Col. 455 D.

⁶⁶ *Nilus Sinaita*. Oratio in Albianum // PG 79. Col. 708 B.

⁶⁷ *Theodoret*. Historia Religiosa 14 // PG 82. Col. 1412 C и 1413 C.

⁶⁸ Vita S. Tillonis Pauli Monachi 15 // AS Januar I. 378.

⁶⁹ Vita S. Rogerii Ahbatis 12 // AS Januar 1. 184.

учениками. У некоторых монашеских групп было установлено правило не иметь второй одежды. В лаврах монастыря св. Евфимия Великого, например, во времена св. Саввы (в 460), под руководством Герасима жило 70 отшельников⁷⁰. «Они настолько отстранились от мирских дел, что из одежды, кроме той, которую имели на себе, у них не было более ничего, даже второй смены»⁷⁰. Варлаам, монах из земли Сенаар, рассказывает при дворе индийского царя принцу Иоасафу об индийских монахах среди прочего следующее: «Летом и зимой мы носим одну и ту же одежду. Надев ее однажды, снимаем не ранее, чем она порвется от ветхости и совершенно износится»⁷¹. Можно легко себе представить, насколько грязной она была.

То же самое Василий Великий предписывает насельникам монастырей, для которых он составил свои правила⁷². На Западе Фульгенций, еще будучи епископом Рупса, «на солнце и зимой надевал совершенно жалкую тунику. В единственной одежде, которую не снимал даже ночью, он совершал и Святое Жертвоприношение. При этом говорил, что во время Святого Жертвоприношения нужно менять сердце, а не одежду». Так он поступал с того времени, когда был еще простым монахом⁷³.

Нужда или отчаянная бедность оставляла некоторым лишь единственную одежду. Особенно тем, кто жил далеко от каких-либо поселений или кто хотел своими аскетическими подвигами вдохновить других к совершенному воздержанию. Они латали имевшееся тряпье, пока это было возможно. Снять и постирать его им не позволяло чувство стыда.

У других, наоборот, к такого рода аскезе в одежде приводило стремление к умерщвлению плоти. Например, отшельник Авраам Пустынный не снимал покаянную одежду 50 лет⁷⁴.

---

⁷⁰ *Cyrillus Monachus. Vita S. Euthymii Magni Abbatis. 90 // AS Januar II. 680.*

⁷¹ *Johannes Monachus. Vita ss. Barlaam et Josaphat 18 // PL 73. Col. 512.*

⁷² *Basilius. Regulae fusius tractatae 22. 2 // PG 31. Col. 980A.*

⁷³ *Vita S. Fulgentii Ruspensis Episcopi, a quodani ejus discipulo conscripta (Ad Felicianum Episcopum) 39 // AS Januar 1. 39. Ср. также Johannes Moschus. Pratum Spirituale 179 // PG 87. III. Col. 3049BC, где речь идет о женщине, имевшей только одно платье: Vita S. Gregorii Acritensis 2 (Ex Menaeis Graecorum) // AS Januar I. 290: „in Acrita (= an der Propontis, in einem Vorgebirge Bithyniens) ... religiosus viris (se) adjunxit: Ubi unica contentus tunica, sine calceamentis, in storea ex junco contexta somnum cepit...” Vita S. Eugendi Abbatis (Jurensis), ab ejus Discipulo scripta anonyrilo 5 // AS Januar ·1. 50: „in vestitu autem duabus tunicis nunquam est usus, atque unam ipsam nunquam mutavit, nisi antea fuisset plurima vetustate. consumpta”. То, что здесь говорится о раннем монашестве, позднее проявлялось не раз. Даже сегодня еще есть верующие, которые довольствуются только одним комплектом одежды и носят его, пока это возможно.*

⁷⁴ *Ephrem. Vita S. Abrahae Eremitae 3 // PL 73. Col. 284 BC.*

В случае целого ряда аскетов остается не ясно, действительно ли они носили грязную одежду или их в этом просто обвиняли недоброжелатели. Когда индийский принц ушел к монахам и принял их образ жизни, царь повелел искать его по всей стране, а когда увидел его, одетого в монашеское платье, то, задыхаясь от ярости, набросился на него: «о, ты, совершенно безгрешный! Что тебя соблазнило сменить честь на позор, великую славу на это постыдную и грязную одежду? Ты стал потехой для детей!»⁷⁵ В этих словах конечно чувствуется злоба и подстрекательство фанатика, любой ценой желающего распространить дурную славу о монашестве.

Были такие монахи, которые считали, что в грязной одежде люди воспринимают их лучше, чем действительных монахов, и таким образом они могут обрести большой авторитет. Их игру распознал Иоанн Кассиан, который подчеркивает, что «внешне безмятежные, они намеренно выставляют грязь одежд напоказ»⁷⁶.

Похожим образом это оценивает Иероним в письме к Океану: «гораздо труднее освободиться от гордыни, чем от золота и драгоценных камней. Даже пожертвовавшие этим иногда мнят, что грязь приносит им славу, а бедностью они могут стяжать любовь народа»⁷⁷.

Были и монахини, которые стремились к тому, чтобы их грязные платья были особенно заметными. Иероним в своем знаменитом письме «о сохранении девственности» так наставляет деву Евстохию: «Есть те, кто хмурят лица, чтобы показаться людям постящимися; кто, если встречают других, тотчас начинают вздыхать, опускать платок, закутывать лицо, так что и глаз почти не было видно. Их одежда темная, пояс из грубой кожи, руки и ноги покрыты грязью, и только живот, которого не видно, стенает от тяжести съеденного»⁷⁸.

Но у большинства под грязными одеждами была чистая душа. Хозяева этих одежд отказались от зла и от мира. Для многих уже этот отказ делал этих людей пламенными проповедниками. Более впечатляющей и захватывающей эта проповедь становилась, если ничтожность и суетность мира, отвращение по отношению к нему демонстрировал представитель высших общественных слоев. В роскоши больших городов его успех был неизбежен: все восхищались, хотели они того или нет, великодушием тех, кто пошел на этот риск и встал на путь такой жизни. Но эти выдающиеся аскеты оставались исключением, именно так они всегда воспринимались в раннем монашестве. Ими

---

⁷⁵ *Ioan. Monachus. Vita ss. Barlaam et Josaphat 2 // PL 73. Col. 447 D.*

⁷⁶ *Ioan. Cassianus. Institutia 1. 2, 1 // CSEL 17. 10, 2-3.*

⁷⁷ *Hieronymus. Epistola 77. 2 // CSEL 55. 38, 4-7.*

⁷⁸ *Hieronymus. Epistola 22. 27 // CSEL 54. 184, 9-14.*

восхищались, но им не следовали. Крепкую печать своей странной жизни наложить на монашество они не смогли.

§ 3. В старых лохмотьях

Плохая одежда

С требованием иметь неряшливую внешность неотделимо связано требование носить плохую одежду. Движимые духом презрения к миру некоторые ранние аскеты и монахи стремились выразить свое отношение к мирской суете, надевая очень скромные, заношенные, потрепанные вещи.

Так, «у аввы Еллия была очень скромная, плохая одежда»⁷⁹; авву Моисея ученики узнавали по совершенно заношенной, старой одежде⁸⁰. За то, что носил монах Елеимон, «никто не дал бы и обола»⁸¹.

Данный обычай вызывал у людей чувство большого благоговения перед тем, кто носил эти вещи. Один священник, пришедший с аввой Еллием на воскресное богослужение в Келлию Египта, заметил, в каких залатанных лохмотьях был авва, и сказал ему: «твоя душа облечена в самые прекрасные одежды»⁸².

Макарий Египетский и Макарий Александрийский однажды переправлялись через Нил, а вместе с ними погрузились солдаты. Увидев сидящих в углу монахов, одетых в старое тряпье, трибуны восславили их «счастье» из-за одежды и за их образ жизни. «Правильно, — ответил им Макарий Египетский, — вы называете нас счастливыми: ибо мы действительно счастливы». Последнее он, естественно, сказал об их именах⁸³.

Иероним, сравнивая родоначальника движения отшельников Павла с богатыми римлянами, восхваляет его следующим образом: «вы приказываете вплетать золото в ваши туники, а он никогда не имел и самой бедной одежды, даже такой, какая есть у ваших рабов»⁸⁴.

Некоторые гордились тем, что могут продемонстрировать всем презрение к миру и его нормам, надевая очень плохие и рваные вещи. Так, об Арсении говорится: «пока он жил во дворце, никто не одевался лучше его, но с тех пор как он среди монахов, ни у кого нет более бедного платья, чем у него»⁸⁵.

---

⁷⁹ *Rufinus*. *Historia Monachorum* 11 // PL 21. Col. 430C.

⁸⁰ *Verba Seniorum = Vitae Patrum* III. 119 // PL 73. Col. 783A. Vgl. *Verba Seniorum = Vitae Patrum* V. 8. 10 // PL 73. Col. 907C.

⁸¹ *Palladius*. *Historia Lausiaca* 105 // PL 73. Col. 1197 C. Греческий текст *Vita* 68.

⁸² *Rufinus*. *Historia Monachorum* 13, 7. Критическое издание *Vita* 12.

⁸³ *Rufinus*. *Historia Monachorum* 30, 3. Критическое издание *Vita* 23.

⁸⁴ *Hieronymus*. *Vita Pauli* 1. *Eremitae* 17 // PL 23. Col. 28B; ср.: *AS* Januar 1. 607 „...ne vilissimum quidem“.

⁸⁵ *Verba Seniorum = Vitae Patrum* V. 15. 6 // PL 73. Col. 953D.

Фульгенций, уже будучи епископом Руспа, сохранял свою прежнюю монашескую одежду — «очень бедную тунику»⁸⁶.

Такие вещи были очень дороги их хозяину. Понятное чувство благоговения не позволяло ему быстро сменить их на другие. Так, мудрец Афраат, живший в небольшой хижине недалеко от Эдессы, никогда ничего не принимал ни от кого: «ни хлеба, ни овощей, ни одежды. Только один особо доверенный человек приносил ему хлеб...» Однажды Анфимий привез ему из посольства в Персию новую одежду. Афраат отказался от нее, заметив, что гостя-земляка не сажают на место старого доброго слуги просто потому, что он земляк. «Вот и я не возьму эту одежду», продолжил мудрец, «ибо иметь две одежды для меня невыносимо. Ибо и я, и ты, ведь, согласны в том, что более дорога та, которая служила мне столь долго»⁸⁷.

Необычно требование аввы Исаии: монахи в юном возрасте не должны иметь хорошей одежды⁸⁸. Они могут ее надевать, только когда состарятся. Возможно, авва опасался тщеславия и кокетства у юношей, но скорее — того, что юному монаху, имеющему такие вещи, будет трудно следовать монашескому идеалу полного отказа от мира. Из-за гордыни он может потерять все, что обрел на пути аскезы, даже если будет считать себя малейшим среди всех.

Плохие вещи носили не только жившие в одиночестве, но и другие отшельники. Были целые монашеские объединения, члены которых принципиально носили только такие одежды. Например, авва Исаак, заботившийся о соблюдении строгого древнего монашеского предписания, наставлял братьев: «отцы наши, и особенно Памбо, носили старую, сшитую из лоскутов одежду, а ныне у вас дорогие одеяния. Прочь отсюда! Вы превратили это место в запустение»⁸⁹.

Варлаам при дворе индийского царя рассказывал изумленному Иоасафу об обычаях монашеских поселений в земле Сенаар среди прочего следующее: «Наши одежды сшиты из грубых тканей, из звериных шкур и пальмовых листьев, они очень сильно изношены и залатаны — и это для умерщвления нашей слабой плоти. Ибо мы летом и зимой носим своего рода оболочку, и то, что одели, обычно не снимаем, пока вещи со временем не станут полностью непригодными. Так нас бичует жара и холод, но за это в будущем мы облечемся в

---

⁸⁶ Vita s. Fulgentii Episcopi 38 // AS Januar 1. 39.

⁸⁷ Theodoret. Historia Religiosa 8 // PG 82. Col. 1368D.

⁸⁸ Isaias Abbas. Praecepta seu consilia Tironibus in monachatu posita 38 // PL 103. Col. 431C „dum juvenis es, ne induas vestem bonam, donec pervenias ad senectutem”.

⁸⁹ Verba Seniorum = Vitae Patrum V. 6. 9 // PL 73. Col. 890B. Текст „desertastis locum hunc” в конце может также иметь значение: «вы оставили это место», то есть его традиции. Но смысл остается тем же самым.

одежду нетления»⁹⁰. Здесь Варлаам приводит наиболее ясное обоснование важности такой жизни: «ожидание одежд нетления, смягчающее все тяготы.

Требование иметь плохую одежду воспринято в уставах орденов. Василий Великий обосновывает его следующим образом⁹¹: «Если мы стремимся к тому, чтобы в нас видели самых малых и последних из всех, мы должны показывать себя самыми последними и в одеждах. Кто хочет быть последним из всех, то есть самой глубокой кротостью снискать благосклонность, тот должен избрать себе то, в чем его воспримут как самого последнего.»

Со всей строгостью этот принцип, однако, и сам Василий не смог сохранить. Чуть ниже он пишет: и хотя нужно стараться, чтобы одежда продержалась как можно дольше, но «одеяние должно быть таким, чтобы оно годилось для любых целей, чтобы и днем выходить в приличном (*honestum indumentum*) платье, и ночью им можно было укрыться»⁹². Вряд ли подобному требованию могут соответствовать очень плохие вещи: в таком случае это нельзя было бы назвать «приличным платьем».

Были также аскеты, монахи и монахини, которые под видом грязной одежды и показной бедности занимались нечистым делом. О таких пишет св. Августин⁹³: «Они хотят, чтобы их называли святыми. Они во всеуслышание проповедуют бедность и воздержание, указывают перстом на это. Внешне плоть их облечена в презренные одежды, но внутри одеваются в пурпур. Они громко возглашают: мы лежим в пепле, но не гнушаются высоких дворцов. Внешне имеют ангельский лик, внутри же — просто волки».

Использование плохой одежды несло в себе определенную опасность — опасность гордыни, когда иные аскеты мнили о себе, что они лучше других потому, что одевались только в лохмотья, тогда как другие аскеты допускали ношение приличной. Иные носили плохие вещи также для того, чтобы быстро заслужить похвалу и признание. Такое отношение мог иметь в виду Антоний Великий, когда в своем правиле предписывал: «избегай чванства в одежде»⁹⁴, имея в виду не дорогие одеяния, а такие, которые своей необычной ветхостью и непривлекательностью заставляли других обращать на них внимание, как это было в случае с киником Диогеном.

---

⁹⁰ Die Legende von Barlaam und Josaphat, zugeschrieben dem hl. Johannes Damascenus: Aus dem Griechischen übersetzt von L. Burchard. München, 1924. S. 116.

⁹¹ *Basiliius*. Regulae ad Monachos Interrogatio 11 // PL 103. Col. 503A. [В греческом оригинале это вопрос 22 Правил пространно изложенных. — Прим. ред.]

⁹² *Basiliius*. Regulae ad Monachos Interrogatio 11 // PL 103. Col. 503C.

⁹³ *Augustinus* (?). Ad fratres in eremo sermo 81 // PL 40. Col. 1270.

⁹⁴ *Antonius*. Regula ad Monachos 27 // PL 103. Col. 426A.

Однако хотя такие отклонения не исчезали в раннем монашестве, они не смогли остановить великого движения, охватившего христиан 4-го века.

Плохая одежда постепенно исчезла, когда на место ранних отшельников и свободных монашеских объединений пришли монастыри с упорядоченной жизнью. Вызывающие, плохие вещи нарушали покой и противоречили представлению о равенстве монахов, но и в монастырях часто были те, кто рассматривал их как особенно почетные. Более поздние ревнители, вернувшиеся к таким одежаниям, иногда могли привнести новую жизнь в утратившую прежнюю строгость дисциплину.

§ 4. Чистая одежда

Неряшливая внешность или совершенно ветхие, изношенные лохмотья были чем-то необычным. Например, Пахомий и его брат Иоанн «по бедности так ограничивали себя в одежде, что новый левитон они надевали только тогда, когда нужно было постирать грязные вещи»⁹⁵. То есть предписание о чистоте рассматривалось как само собой разумеющееся.

В древности были и другие аскеты, стремившиеся подобно им сохранять одежду чистой. О монахах Аполлония в Фивах говорится, что «никто из них не носил грязного платья; их одежды, как и души, сияли одним блеском»⁹⁶.

Даже те аскеты, которые обычно не снимали грязную одежду, иногда надевали чистую. «Во время одной остановки в Александрии отец монашества (Антоний) появился в чисто постиранной одежде», таким образом он учитывал традиции большого города. В пустыне же он довольствовался только власяницей и накидкой из шкуры, надеваемой вверх⁹⁷.

В пустыне Скита же чистота, судя по всему, была чем-то исключительным. Когда бедный египетский крестьянин из этой области, став монахом, посетил пустытника из аристократов, он отметил среди прочего, «что у того чистые ноги, и он даже носит сапоги». Это огорчило бедняка, «потому что так жить в их земле было не принято»⁹⁸.

Другие аскеты, заботясь о чистоте и приличной внешности, не носили грязное одеяние постоянно, как это делали Антоний, Авраам Пустынный и другие. Даже Иероним, которого мы уже знаем как ревностного

---

⁹⁵ Vita S. Pachomii 14 // PL 73. Col. 237–238.

⁹⁶ Rufinus. Historia Monachorum 7 // PL 21. Col. 413B. Ср.: Rufinus. Historia Monachorum 8. 19.

⁹⁷ Athanasius. Vita beati Antonii Abbatis 46–47 // PG 26. Col. 909–910. Ср.: St. Schiwietz. Das morgenländische Mönchtum I (Mainz 1904) 79.

⁹⁸ Verba Seniorum = Vitae Patrum V. 10. 76 // PL 73. Col. 925C.

сторонника заношенной и грязной одежды, иногда совершенно без порицания говорит и о чистых одеждах. Так, он пишет Непотиану: «Чистоты и грязи нужно избегать в равной степени, ибо в первой чувствуется страсть, во второй — честолюбие»⁹⁹. В послесловии он пишет своему другу: «в одежде он следует обычаям этой земли и не выделяется особо ни чистотой, ни неряшливостью»¹⁰⁰.

Гораздо больше, чем эти примеры, о правилах стирки и соблюдении чистоты одежды сообщают подробные предписания многих ранних уставов. Например, в *Regula Pachomii*: монахи «должны по особому знаку собираться вместе на стирку, и делать это нужно молча и с послушанием»¹⁰¹; во время этого нельзя слишком высоко поднимать свою одежду (пахомиане, судя по всему, стирали возле берега, стоя в воде), затем все вместе должны возвращаться назад. Тот, кто не был на совместной стирке, должен испросить в помощь у наместника кого-нибудь из братьев и уже вместе идти стирать. Высохшую к вечеру чистую одежду не нужно оставлять висеть; в крайнем случае — снять не позднее 9 часов (*hora tertia*) следующего утра, чтобы не оставалась весь день на солнце и не портилась быстро. Постиранную одежду нужно вернуть в депозитарий¹⁰². Согласно главе 67 того же правила, нельзя стирать левитон или другую одежду в воскресенье¹⁰³.

Похожие предписания содержатся и в других уставах. Так, Бенедикт Нурсийский пишет, что одежды монахов, поддеваемые, по его правилу, во время путешествий под верхнюю одежду, нужно возвращать чисто постиранными¹⁰⁴. Согласно *Regula Stephani*, однако, никто не должен начинать стирать одежду и постельные принадлежности до того, как настоятель прочитает молитву¹⁰⁵. Таким образом, стирка была выделена из повседневной жизни и стала своего рода богослужением. В последующие века такое стремление к чистоте еще более очевидно. Согласно реформе Бенедикта Анианского, все должны «своевременно стирать одежду»¹⁰⁶. Мурбахские статуты (802/16 г.) указывают на

---

⁹⁹ *Hieron. Epistola (ad Nepotianum) 52, 9 // CSEL 54. 430, 9–11).*

¹⁰⁰ *Hieron. Epistola 60. 10 // CSEL 54. 559, 1–2.*

¹⁰¹ *Pachomius, Regulae Monasticae 40 (Florilegium Patristicum XVI. 30, 1–4 A l b e r s). Si quis lavare voluerit vestimentum, raget prepositum suum et illemitt.at cum eo alterum, et sie loto vestimento revertantur domum et siccatum reponat ille, cui lioc ihlunctum est". В издании Иеронима есть использованное нами более пространное чтение: *Hieron. Regula Pachomii. 68 // PL 23. Col. 72D.**

¹⁰² *Hieron. Regula Pachomii 69–72 // PL. 23. Col. 72D–73A.*

¹⁰³ *Hieron. Ibid. 67 // PL 23. Col. 72D.*

¹⁰⁴ *Benedict. Nurs. Regula Monachorum 55.*

¹⁰⁵ *Regula Stephani 18 // PL 103. Col. 1252A. Cp.: Paulus et Stephanus Abbates. Regula ad Monachos 28 (Benedict. Anian. Codex Regularum II. 82) „vestimenta vel lectualia nullus sibi lavare audeat absque oratione et permissu Prioris".*

¹⁰⁶ *Capitula Aquisgranensia 4.*

«древний обычай»: «те, кто может стирать свою одежду, должны это делать самостоятельно. А те, кто по причине болезни или из-за возраста не могут», должны с разрешения настоятеля получить помощь от других¹⁰⁷.

Но чтобы устроить стирку, нужно иметь, по крайней мере, 2 комплекта белья на человека. Поэтому Пахомий предписывает монахам, живущим по его правилам, иметь несколько комплектов одежды¹⁰⁸. Бенедикт Нурсийский в *Regula Monachorum* так же, как и Пахомий, ясно обосновывает это: «для монаха достаточно иметь две туники и два кукулия, для ночи, и чтобы можно было их постирать»¹⁰⁹. Большинство ранних монашеских правил позволяли монахам иметь несколько одежд. Только Василий Великий, судя по всему, предписывает своим монахам иметь лишь одно платье. В ответе на 11-й вопрос в своем *Regulae* он, например, устанавливает: «Ни в чем правило не должно задеть добровольную бедность, то есть мы не должны иметь одно платье для выходов, другое для домашних дел, а еще одно для другого времени, одно для дня, другое для ночи. Нужно приобрести только одну одежду, чтобы ее хватило для всего»¹¹⁰. В вопросе 129 он обосновывает это предписание тем, что в Священном Писании сказано, что не нужно иметь двух туник; эта заповедь не позволяет также иметь особую обувь (*cilicium*) для определенных случаев¹¹¹.

Эта единственная одежда, которую носили монахи Василия, должна была все-таки быть такой, «чтобы можно было днем появиться в почтенном платье»¹¹². Оно конечно не должно было быть грязным. Получали ли монахи василианского устава новые или другие одежды, когда прежние не были уже в «почтенном» состоянии и становились грязными или рваными? Или у них была сменная одежда? Эту трудность можно снять следующим образом: василиане не должны были иметь одновременно две смены одежды, но при необходимости получали другую или новую одежду с обязательством вернуть старую. Похожим образом св. Бенедикт, который называет Василия «наш отец», также предписывает¹¹³, что «братья должны сразу вернуть старые одежды, как только получили новые»¹¹⁴. Ясность в этот вопрос может внести только критическое издание устава Василия.

---

¹⁰⁷ *Statuta Murbacensia* 5.

¹⁰⁸ *Hieron. Regula Pachomii Praefatio* 4 // PL 23. Col. 63–64; *Regula Pachomii* 81 // PL 23. Col. 73–74.

¹⁰⁹ *Benedikt. Regula Monachorum* 55.

¹¹⁰ *Basilius. Regulae ad Monachos Interrogatio* 11 // PL 103. Col. 503.

¹¹¹ *Basilius. Regulae ad Monachos Interrogatio* 129 // PL 103. Col. 534C.

¹¹² *Basilius. Regulae ad Monachos Interrogatio* 11 // PL 103. Col. 503C.

¹¹³ *Benedikt. Regula Monachorum* 73.

¹¹⁴ *Ibid.* 55.

На более позднем этапе развития монашества решение принято на Ахенском Синоде 816 года. На нем для всех монастырей тогдашней империи всем членам орденов установлено иметь по несколько одежд¹¹⁵.

То, что у многих ранних отцов-пустынников можно предположить владение несколькими одеждами, показывает и рассказ об авве Иосифе Панефосском: когда однажды посетители, которые хотели стать монахами, пришли к нему, «он ушел в свою келию, надел износившуюся одежду, и опять вышел и встал посреди. Некоторое время спустя он опять вошел, надел уже более хорошее платье, которое обычно носил по праздникам, и опять вышел к ним; а потом опять ушел, надел будничную одежду, вышел и сел к ним»¹¹⁶. Удивленным посетителям он объяснил, что внешнее платье не меняет внутреннего человека. Кроме того, ради гостей нужно менять одежду. Подобным образом и другие ранние отцы имели двойной комплект одежды, а ниже мы узнаем, что египетские монахи имели особую одежду для воскресного богослужения.

§ 5. Бедная и дешевая одежда

Стремящийся к монашеству покидал мир в бедности, бедным он оставался и далее, ограничиваясь только самым необходимым. Поэтому и одежду он носил только бедную.

Одна римская аристократка, по имени Деметрия, незадолго до свадьбы обратилась к духовной жизни. Иероним следующим образом описывает то, как она выразила свое решение: «Вместе с мирскими платьями она отвергла всякий культ тела как препятствие осуществлению ее намерения. Положив обратно в сундуки свое дорогое ожерелье, тяжелые бусы, сверкающие драгоценные камни, она надела убогую тунику, а поверх нее еще более ветхое вретиче. В таком виде, без предупреждения, она вошла к бабушке и, бросившись к ее ногам, показала ей себя с плачем и слезами»¹¹⁷. По ее бедной одежде все сразу поняли, что она решила посвятить себя Богу, и согласились с ее решением.

Типичным примером ранней монашеской простоты является авва Агафон — «мудрый, неутомимый в работе, скромный во всем, всегда готовый к труду, ограничивающий себя в еде и в одежде»¹¹⁸.

---

¹¹⁵ Capitula Aquisgranensia 22: „... hoc omnino provideat, ut camisias duas, et cucullas duas et cappas duas unusquisque monachorum habeat; quibus vero necesse est, addatur et tertia, et pedules quatuor paria et femoralia duo paria, roccum unum, pellicias usque ad talos duas, fasciolas duas; quibus autem necesse est itineris causa, alias duas (manicas quas vulgo wantos (appellamus) in aestate, et in hieme vero muffulas vervesinas...”

¹¹⁶ Verba Seniorum = Vitae Patrum III. 47 // PL 73. Col. 767.

¹¹⁷ Hieronymus. Epistola 130, 6 // CSEL От>, 180. 12–17.

¹¹⁸ Verba Seniorum = Vitae Patrum V. 10, 11 // PL 73. Col. 914A.

При таком отношении к монашеской жизни легко было обходиться дешевыми тканями. Поэтому в ранней монашеской литературе тип такой одежды часто обозначается словом „vilis“ „εὐωνος“ или „εὐτελής“.

Отшельнику Полихронию, жившему недалеко от Кира, «многие люди часто приносили деньги или завещали свое золото. Но он никогда ни у кого ничего не брал и предлагал всем самим раздать дары. Иаков Великий переслал ему меховую накидку, принесенную ему кем-то. Но и ее Полихроний отослал назад, так как увидел, что она очень плотная и аккуратно пошита. Ибо он всегда носил убогие (εὐτελής) и дешевые (εὐωνος) вещи. Таким образом, бедность он ценил выше царей и, поэтому, часто оставался даже без самой необходимой пищи»¹¹⁹. Асклепий, живший недалеко, также носил только бедную и дешевую одежду¹²⁰.

В Антиохии в 387 году вспыхнуло восстание. Иоанн Златоуст воспользовался этим, чтобы похвалить действия монахов во время восстания. «Занимавшие у нас первые должности..., помышляли только о своем спасении; тогда-то оказалось, что значит вся дружба и родство их ... А иноки, люди бедные, не имеющие ничего, кроме худой одежды, ... пребывавшие на горах и в лесах, предстали, как некие львы, с великим и возвышенным духом, в то самое время, как все боялись и трепетали, — (предстали) и прекратили бедствие, не в продолжение многих дней; а в краткий промежуток времени»¹²¹.

По сравнению с прежней привычной роскошью бедное платье не всегда выглядело нищенским. Это можно заключить из следующего описания: один благородный римлянин стал монахом в скитской пустыне; бедный египетский крестьянин, который также вступил на путь отшельника, посетил его, чтобы получить наставление в духовной жизни. Его, однако, огорчило бросившееся ему в глаза достаточное благополучие. В свое оправдание римлянин сказал: «у меня были золотые кровати, покрытые дорогими коврами. Вместо этого Господь дал мне эту лежанку из тростника и эту шкуру. Я имел несказанно дорогую одежду, а теперь ношу жалкое тряпье...»¹²². С укором он рассказал гостю о том, от сколь большего по сравнению с ним он отказался, наставляя его таким образом к лучшему.

Такие же представления были и на Западе. Например, Иероним в своих письмах и трактатах постоянно пишет о бедняцком, дешевом и общедоступном платье членов орденов. Когда напавшие на Рим остготы

---

¹¹⁹ *Theodoret. Historia Religiosa* 24 // PG 82. Col. 1464A.

¹²⁰ *Theodoret. Historia Religiosa* 24 // PG 82. Col. 1464B.

¹²¹ *Ioan. Chrysost. Homila 17 De statuis* // Chrysostomus opera Tomus 1. P. 195. Ср.: *Evelt J. Das Mönchtum in seiner inneren Entwicklung und seiner kirchlichen Wirksamkeit bis auf den hl. Benedikt von Nursia*. Paderborn, 1863.

¹²² *Verba Seniorum = Vitae Patrum* V. 10. 76 // PL 73. Col. 925–926.

ворвались в дом Марцеллы и потребовали денег, она указала (так Иероним пишет в письме к деде Принципии) на свою потрепанную тунику. Тем самым она хотела лишить основания подозрение в том, что спрятала ценные вещи. Но грабители не поверили в ее добровольную бедность¹²³. В послесловии памятной речи о Марцелле Иероним пишет Принципии: «в бедном паллии она боролась с молью, которая завелась в шелковых платьях»¹²⁴.

В Галлии одна мать посвятила себя вместе с дочерьми духовной жизни. Но своим мирским поведением они вызывали общественное порицание. Иероним, описывая эту историю в публичном послании, обличает их следующим словами: «Даже бедное, темное платье есть знак бессловесной души. Вы обращаете внимание на то, есть ли на нем пятна, на то, волочится ли оно по земле, — так кажется благороднее; аккуратно ли скроена туника (вы смотрите и на это). Что-то от внутреннего, таким образом, должно явиться: некрасивое — скрыто, а красивое — показано»¹²⁵.

Когда Иероним вынужденно уехал из Рима, одну из жалоб Аселле, среди прочих, он выражал следующим образом: «разве входил я когда-либо в дом легкомысленного человека? Разве носил я шелковые платья, сверкающие драгоценные камни, разве красил я лицо или жаждал золота?»¹²⁶. Он указывает на то, что все свои силы отдавал на служение бедным, и сам всегда одевался очень бедно¹²⁷.

Кроме Иеронима иметь бедное одеяние от монахов требуют и другие известные авторы. Мартин Турский, будучи уже епископом, носил такие простые вещи¹²⁸. Согласно Иоанну Кассиану, облачение западных монахов «должно быть благопристойным и бедным»¹²⁹. Согласно правилу св. Бенедикта, монахи должны носить одежду и обувь, самые дешевые в той земле, где они живут¹³⁰.

---

¹²³ *Hieronymus*. Epistola 127. 13 // CSEL 56. 155, 12-18.

¹²⁴ *Hieronymus*. Epistola 127. 4 // CSEL 56. 148, 20-22.

¹²⁵ *Hieronymus*. Epistola 117. 7 // CSEL 55. 431, 7-11.

¹²⁶ *Hieronymus*. Epistola 45. 3 // CSEL 54. 325, 9-11.

¹²⁷ Встает вопрос: есть ли здесь тесное отношение между Иеронимом и Оригеном? Так же как ранний Иероним ставил важный акцент на аскезе и был сторонником плохой и даже грязной одежды, так и об Оригене сообщается: едва достигнув 18 лет, он уже стоял во главе александрийской школы, как строгий аскет, очень бедный, ходил босым, носил только одно платье, был очень воздержан в пище и питье. В этом он стал особенным примером и предшественником монашества вскоре после смерти (254). Не следует ли ему в такой аскезе Иероним, который в остальном, судя по всему, Оригена отвергает? Ср.: *Chastonay P. v. Zur Geschichte des Asketentums // Stimmen der Zeit*. 1915. Bd. 89. S. 277.

¹²⁸ *Sulpicius Severus*. Vita s. Martini 10 // CSEL 1. 120, 1: «eadem in vestitu ejus vilitas».

¹²⁹ *Ioan. Cassianus*. Instituta 1. 10 // CSEL 17. 15, 10 ff.

¹³⁰ *Ben. Nursia*. Regula Monachorum 55.

Иоанн Златоуст, аристократ-покровитель и знаток монашества, ярко описывает впечатление, которое вызывало бедное облачение монахов. В 68-й гомилии на Евангелие от Матфея он сообщает: «Поэтому желал бы я ... отвести в монастырь и показать ему (тому, кто мечтает о высоком положении, богатстве и чувственных удовольствиях) собрание святых мужей; тогда мне уже не нужны были бы слова... Бедняк ... скажет сам себе: ... дети поваров и сапожников, а часто и рабов — живут в такой роскоши; а я, свободный, происходя от свободных, живя честными трудами, и во сне не могу представить себе этого, — и оставляет таким образом зрелище съедаемый печалью. У монахов же не случится ничего такого, но все бывает совершенно напротив. В самом деле, когда увидит, что дети богатых и знатных родителей облечены в такие одежды, каких не носят и самые последние из нищих, и что даже еще радуются этому, то представьте, с каким утешением для своей бедности пойдет он из монастыря!»¹³¹.

Поверх бедных, дешевых платьев часто надевали простое одеяние, так как такие ткани дешевле, чем яркие и дорогие, часто они при этом указывали на бедность. Но конечно имела место и внешняя простота, производящая впечатление известного, естественного благородства. Ношение подобной одежды подразумевало скорее именно ее.

§ 6. Простая, дешевая одежда

Иметь только простые, дешевые вещи, без всяких украшений, церковные власти требовали от монахов уже очень рано. Так, Киприан, говоря об одежде женщин-аскетов, обосновывает это требование следующим образом: «те, кто одет в шелк и пурпур, не могут облачиться во Христа; те, кто носит золото, жемчуга и ожерелья, утратили красоту сердца и духа»¹³².

«Если же целомудрие идет вслед за Христом и девство предназначается для Царствия Божия», спрашивает он, «то, зачем же земное убранство и украшения, коими желающие угодить человекам оскорбляют Бога...» Затем он пишет: «Воздержание и целомудрие состоит не в одной только непорочности тела, но и в скромности и благоприличии самого одеяния.» «Да и к чему ей выставять себя в убранстве и нарядах», спрашивает он в другом месте того же произведения, — «как будто имеющей мужа или ищущей его? Она скорее должна опасаться нравиться другим, если действительно блюдет свое девство, и не подвергать себя искушениям, стремясь к лучшим и

---

¹³¹ *Ioann. Chrysost.* In Evangelium Matthaei homilia 69. Об этом же см.: *Bousset W.* Das Mönchtum der sketischen Wüste // ZKG. 1923. Bd. 42. Heft 1. S. 1–41; *Bickel E.* Das asketische Ideal bei Ambrosius, Hieronymus und Augustinus: Eine kulturgeschichtliche Studie. Lpz.; B., 1916.

¹³² *Cyprian.* De habitu virginum 13 // CSEL 3. 197, 6–8.

Божественным целям».¹³³ «Неприлично девственнице для украшения лица своего прибегать к изысканной прическе волос»¹³⁴. «Да избегают чистые и целомудренные девы убранства блудниц, одежды бесстыдниц, уборов прелестниц, украшений любодеиц! и почти всегда самое дорогое украшение у тех, у кого чувство стыда самое дешевое»¹³⁵. Поэтому «дев, ... если они предаются таковой изысканности нарядов и убранств», по мнению Киприана, — «не следует и считать в числе девственниц, но как зараженных овец и больную скотину надлежит отделять от святого и непорочного стада девственного...»¹³⁶.

Непосредственным контекстом для наставлений Киприана была страсть к украшениям у женщин-аристократок, о чем Киприан, а до него и Тертуллиан, сообщают много интересных деталей¹³⁷. Это позволяет понять аргументы в данном призыве носить простую одежду.

Строгие наставления Киприана позже подхвачены составителями правил или наставлений для дев. Так это, например, в приписываемом св. Афанасию трактате о девстве: «ткань для твоих облачений пусть не будет дорогой»¹³⁸. Приблизительно через 150 лет после Киприана, почти так же строго, как и он, пишет в своем «Зеркале монахинь» монах Евагрий: «Кто чистит свои платья, тот теряет стыд»¹³⁹. Кирилл Иерусалимский наставлял дев: «Твоя одежда должна быть простой. Пусть она не служит украшением, но просто облачением. Ты не должна им любоваться (но только для того тебе должно служить платье), чтобы согреться зимой и покрыть стыд твоего тела. Иначе под предлогом прикрытия срама лишними вещами ты можешь впасть в другой срам»¹⁴⁰.

Наконец, Иероним наставляет деву Евстохию следующим словами: «Одежда пусть не будет слишком чистой, но и не запачканной, просто — никаких излишеств, чтобы проходящие мимо, если ты их встретишь, не останавливались и не показывали на тебя пальцем»¹⁴¹.

Требование небогатого платья для девственниц является естественным развитием первохристианских идей. Ибо Павел в 1 Тим 2, 9–10 дает общее предписание: «чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не

---

¹³³ Ibid. 5 // CSEL 3. 190, 18–191, 11.

¹³⁴ Ibidem // CSEL 3. 191, 13–15.

¹³⁵ Ibid. 12 // CSEL 3. 195, 25–27.

¹³⁶ Ibid. 17 // CSEL 3. 200, 8.

¹³⁷ *Cyprian. De habitu virginum* 12–14 // CSEL 3. 195–198. Ср.: *Tertullian. De cultu feminarum* I. 1–2, 6–8; II. 5–8, 10, 13; *Tertullian. De virginibus velandis* 10, 12.

¹³⁸ *Athanasius* (?). *De virginitate* // PG 28. Col. 264.

¹³⁹ *Euagrios Monachus. Sententiae ad Virgines* // PL 40. Col. 1283 C; *Euagrios. Sententiae ad virginem* 23. / Ed. H. Gressmann // *Nonnenspiegel und Mönchsspiegel des Evagrios Pontikos*. Leipzig, 1913. S. 146–151, здесь S. 148 (TU 39.4).

¹⁴⁰ *Cyr. Hieros. Catech. IV. 29*.

¹⁴¹ *Hieronymus. Epistola 22–27* // CSEL 54. 183, 1–4.

золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию". Это относилось ко всем женщинам, но особенно к девицам. Такое поведение ожидалось именно от них: серьезно относиться к преодолению мира и привычных для него представлений, имея, таким образом, перед собой цель — служить образцом и предупреждением для других.

Известен пример такого отношения и в раннем персидском монашестве. Мария, сестра великого Мар Гиваргиса, «после обращения не носила более мирских одежд, но только простые платья, как было принято у богатых дочерей завета в той области»¹⁴². Под «дочерьми завета» автор имеет в виду дев, посвятивших себя аскетической жизни, как и под «сыновьями завета» — мужчин-аскетов.

Но и простые, дешевые одежды могли покрывать женское кокетство. Это очень точно изображает Иоанн Златоуст. Обсудив в общих словах женскую страсть к украшениям, он говорит о поведении отдельных монахинь, подробно описывая при этом их одежду в том городе, где находилась его епископская кафедра. «Ведь и недорогое платье, — пишет он в 8-й беседе на 1-е Послание к Тимофею¹⁴³, — может быть наряднее того, которое обшито золотом. В самом деле, когда платье имеет слишком яркий цвет, и когда оно с особенною заботливостью прикреплено поясом около груди, как это бывает у тех, которые пляшут на сцене, так что оно ни раздается в ширину, как бы поднимаясь вверх, ни стягивается до того, чтобы казаться слишком узким, но занимает средину между тем и другим, и около груди образует множество складок, — то ужели оно не гораздо больше может прельстить, чем всевозможные шелковые платья? «Что, когда (при этом) обувь, будучи черного цвета, издает необыкновенный блеск и оканчивается острием, и изящным своим видом уподобляется картине, так что не слишком поднимает вверх подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираниями, однако вымываешь его с необыкновенным старанием и вниманием и полагаешь кругом чела повязку, которая гораздо белее твоего лица, а потом сверху набрасываешь (черное) покрывало, так чтобы черный цвет при белом был заметнее? ... Не малый это грех, напротив, очень большой и может прогневать Бога, может погубить весь подвиг девства.»

Помимо епископов и священников, прежде всего соборы настойчиво требовали простоты в одеждах дев-аскетов. Так, собор в Кловешо постановил, чтобы принявшие от священников платы женщины-члены орденов после того, как одели на себя одежды святой жизни, уже не

---

¹⁴² Braun O. Akten persischer Martyrer. 21: Mar. Giwargis 19 // BKV. Bd. 22. Leipzig, 1911. S. 233.

¹⁴³ Ioann. Chrysost. Homilia 8 in 1 Tim // PG 62. Col. 541–542.

носили мирские вещи, «им нельзя впредь выходить в украшенных и роскошных платьях, как это принято у светских дамочек»¹⁴⁴. Похожее решения принимали и другие соборы, что было знаком серьезной пасторской заботы.

То, что миссионеры также очень ревностно заботились о соблюдении этого требования, показывает послание св. Бонифация иеромонаху Кудберту, дающее общее впечатление о традиционных для этой земли одеждах. Бонифаций наставляет своего адресата: «со всей ревностью ты должен избегать излишней и богомерзкой роскоши в одежде. Ибо украшение одежд необычно широкими полосами, извивающимися подобно червям (видимо молдинг в форме змей?), исходит от антихриста и предшествует ему, чтобы распространить в монастыре блуд и роскошь»¹⁴⁵.

Вполне понятным могло показаться и то, что наставление хранить простоту в одежде прежде всего адресовалось к женщинам-аскетам, — особенно к тем, кто жил не в монастыре, а в миру¹⁴⁶. Ведь в общем не мужчины, но именно женщины более падки на всякие украшения, поддаваясь пустому стремлению нравиться другим. Но данное наставление точно так же адресовано и аскетам-мужчинам.

Syntagma doctrinae, датируемое концом IV века, — важное учительное произведение монашеской литературы, приписываемое св. Афанасию, осуждает женские и грязные одежды; в итоге оно предписывает: «одежда монаха должна быть скромной!»¹⁴⁷

Нил, великий синайский авва, объясняя монашеские практики, отмечает: «монахи выбирали не мягкие, изобилующие роскошью одежды, а простые и безыскусные, но при этом удобные для того, что нужно телу»¹⁴⁸.

На Западе Исидор Севильский в своем правиле предписывает испанским монахам: «монах должен отречься от заботы об одежде и отвергнуть сами броские облачения. Он должен быть защищен, но — не

---

¹⁴⁴ Konzil von Cloveshove. С. 28 // *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio* / Ed. I. D. Mansi. Vol. 12. P. 406–407.

Ср.: *Feusi I*. Das Institut der gottgeweihten Jungfrauen: Sein Fortleben im Mittelalter: Diss. Freiburg [Schweiz], 1917. S. 165. Anm. 3.

¹⁴⁵ *Bonifatius*. Epistola ad Cudhbertum // *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio* / Ed. I. D. Mansi. Vol. 12. P. 392–393.

¹⁴⁶ Об обоих аскетических институтах дев, живших в монастыре или за его пределами, дома, см.: *Feusi*. Ibidem. — о времени после императора Константина; о более раннем периоде: *Wilpert J*. Die gottgeweihten Jungfrauen in den ersten Jahrhunderten der Kirche. Freiburg, 1892. Об этом же: *Koch H*. *Virgines Christi: Die Gelübde der gottgeweihten Jungfrauen in den ersten drei Jahrhunderten*. Leipzig, 1907.

¹⁴⁷ *Athanasius*. *Syntagma Doctrinae ad Monachos, omnesque christianos tam clericos quam laicos* 4 // PG 28. Col. 540D.

¹⁴⁸ *Nilus Sinaita*. *Tractatus de monastica exercitatione* // PG 79. Col. 724A.

становиться щеголем! Не нужно носить чересчур броское, дорогое платье, но при этом оно не должно быть и совсем простецким. Ибо дорогая одежда ведет душу к разврату, а слишком дешевая порождает сердечную скорбь или побуждает к пустому честолюбию... Они должны даваться каждому, согласно его возрасту и рангу»¹⁴⁹. Похожие определения встречаются и в других монашеских правилах Запада.

Ферреол, епископ Юзеса (ум. 581), обращает внимание на одно обстоятельство. В своем правиле он запрещает монахам наносить на одежду изысканные ароматы¹⁵⁰. Можно заключить, что в его окружении были известны случаи, когда мужчины обрабатывали свои вещи благоухающими эссенциями (парфюмерией), — обычай, широко распространенный в греко-римском мире. Ферреол также наставляет монахов не слишком возиться с украшениями и красивыми одеждами, чтобы таким образом не пренебречь заботой о красоте души¹⁵¹.

В большинстве ранних монашеских правил встречается слово *vilis*, обозначающее монашеское платье (о нем уже говорилось в разделе о бедной одежде). Это слово указывает на то, что одежда простая и дешевая, легко доступная и распространенная, но при этом соответствует призванию аскета и в целом может быть даже совсем не плохой. Это требование остается актуальным на протяжении столетий.

Решающим для Запада стало постановление Ахенского собора 816 года, знаменитого собора реформы Людовика Благочестивого. Оно ясно предписывает: «Монахи не должны получать очень плохую одежду, не должна она быть и слишком дорогой, но среднего качества»¹⁵². Несколькими годами ранее было принято решение «Мурбахских статутов»: «Вещи из козьей шерсти или такие, которые обшиты шелком, монахам строго запрещены»¹⁵³. Даже если в последнем предписании уже чувствуется начало упадка монастырской дисциплины, очевидного в период позднего средневековья, все же ясно, что идеал простоты никогда

---

¹⁴⁹ *Isidor Sev. Regula Monachorum* 13 // PL 103. Col. 566B.

¹⁵⁰ *Ferreolus Ucetiensis. Regula ad monachos* 32 // *Benedikt v. Aniane. Codex Regularum* II. 137: «ut vestimenta monachorum odores non habeant exquisitos: Vestimentorum fragrantiam vel nimium propter elationem nitorem monachus studeat non habere: sed sequens melius Apostolum dicentem: Bonus odor sumus Jesu Christi; colorem etiam in his album, vel nimis rufum, per quem saepe species corporis ad perniciem suam videntibus commendatur, vitet, ac habere non ambiat: ne et jactantiae suae secum testimonium ferat; et quod absit, dum corpus vestimentis cito consumendis adornare temporaliter elaborat, de animae si qua aeterna esse poterant, ornamentis non curet. Etenim ista facientes taliter Scriptura divina castigat: In amictu vestimentorum ne glorieris, et in die gloriae noli extolli».

¹⁵¹ *Ferreolus. Ibidem.*

¹⁵² *Capitula Aquisgranensia. 20 // Consuetudines Monasticae III: Antiquiora monasteria inaxime consuetudines Cassinensis inde ab anno 716-817 illustrata continens. Monte-Cassino, 1907. 121, 1-2.*

¹⁵³ *Statuta Murbacensia* 14 // *Consuetudines Monasticae III. 87, 1-5.*

полностью не забывался. Такие одежды лучше всего выполняли свою первоначальную роль: покрывали и защищали тело, символизировали отречение от мира и не давали повода для гордыни и превознесения.

ⁱ Мы уже указывали на то, что этот роман лишь с большой осторожностью можно использовать для реконструкции реалий IV в.

ⁱⁱ Речь в тексте идет о лавре прп. Герасима на реке Иордан.